

документам о состоянии здоровья подсудимого на возможность отбывания наказания в виде принудительных работ.

¹ Орлов П. Приговор без посадки// Российская газета – 2009. – 3 дек.; Куликов В. От суммы до тюрьмы // Российская газета. – 2010. – 16 февр.; Он же. Работа вместо неволи// Российская газета. – 2010. – 16 марта.

² www.cdep.ru/userimages/sudebnaya-statistika/2017/F1-svod_1-2017/xis

³ Куликов А.М., Золотов К.Д. Принудительные работы как вид наказания в российском уголовном праве// Молодой ученый.- 2018. № 16.- С.218-220.

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка// Москва, «АзЪ», 1992. С.20

⁵ Бриллиантов А. Правовые проблемы применения принудительных работ// Уголовное право.- 2012.- № 6.-С.16

ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ИННОВАЦИЙ В ПЕНИТЕНЦИАРНУЮ СИСТЕМУ РОССИИ

Маркелов С. В.

профессор кафедры уголовного процесса

Краснодарского университета МВД России

Ключевые слова: реформирование, инновации, передовой опыт, уголовно-исполнительная система, европейские стандарты, пенитенциарная система.

Аннотация: содержание статьи посвящено вопросам реформирования уголовно-исполнительной системы России после распада СССР. Обосновывается, что эффективность преобразований, несомненно, повысилась бы, если бы был осуществлен планомерный, целенаправленный подход к изучению и внедрению европейских инноваций в пенитенциарную систему.

Keywords: reform, innovation, best practices, the penal system, European standards, the prison system.

The summary: is proved that the effectiveness of reforms would undoubtedly have increased if a systematic, targeted approach to the study and implementation of European innovations in the penitentiary system had been implemented.

Процесс внедрения организационных инноваций в уголовно-исполнительную систему России начался в конце 80-х гг. под воздействием изменений в социально-политическом развитии нашего общества. Исправительно-трудовая политика и соответствующее законодательство, практика его исполнения вошли в противоречие с объективными потребностями социального развития. В этот период были предприняты попытки реформы системы исполнения наказаний сначала со стороны МВД Союза, а затем – МВД России¹. В силу объективных и субъективных причин осуществить намеченные преобразования не удалось. В 1991-1997 гг. было принято более 40 законодательных, президентских и правительственных актов, обеспечивающих поддержку и развитие

системы. Это позволило в определенной степени приблизить условия исполнения и отбывания наказаний к требованиям Конституции РФ и международных правовых актов, способствовало стабилизации обстановки в исправительных учреждениях. Между тем эффективность преобразований, несомненно, повысилась бы, если бы был осуществлен планомерный, целенаправленный подход к изучению и внедрению европейских инноваций в пенитенциарную систему.

В отечественной науке четко просматривается тенденция нарастания внимания к проблемам исполнения уголовных наказаний за рубежом, где по понятным причинам и европейские стандарты, и обмен опытом между пенитенциарными системами различных стран

происходят значительно интенсивнее, нежели с нашей страной. Еще на заре перестроечных процессов происходили заметные подвижки в сторону, если не заимствования, то хотя бы осознание необходимости познания специфики зарубежной пенитенциарной практики. На это имелись свои возможности получения информации и из первых рук², и из переводной литературы³, и публикаций различных авторов в ведомственной периодике⁴, посещающих исправительные учреждения за рубежом России.

Конечно, сейчас легко говорить о наличии предвзятости и т.п. во многих работах того периода⁵, в которых концентрировался исключительно негатив зарубежной пенитенциарной практики в виде, например, широко якобы применявшейся «рвотной терапии», «ограничений подвижности, питания и отправок естественных потребностей», «лишения чувств», «шоковой терапии», «психирургии», «имплантации электродов в мозг» и т.д. Понятно, что заимствовать что-либо из этого опыта и тем более реализовывать в собственной практике вряд ли было можно. Шла борьба систем, и все методы, включая запрещенные, были хороши. Однако времена меняются, меняются и реформируются системы, изменяются и взгляды на способы и сами способы борьбы. В прошлое уходит и тенденциозность, и пристрастность в оценках зарубежной практики в целом и достижений отдельных стран европейской цивилизации. В принципе и европейские стандарты, и собственно иностранный опыт исполнения наказаний представляют собой некое достижение и вполне могут быть объединены для упрощения их трактовки и восприятия в один феномен, который условно можно назвать зарубежным пенитенциарным опытом.

Этот феномен, или опыт, представляют собой сознательную предметную практическую деятельность всех тех, кто изучает, обобщает, распространяет и внедряет его. Это и есть опыт, но не только. Это еще и результат этой предметной деятельности, собственно достижения, внедренные новации, свершения и т.д. Именно благодаря им цивилизация и идет по пути прогресса, развития, совершенствования, повышения эффективности деятельности различных ее составляющих, институтов, систем. К их числу, несомненно, принадлежит и тюремная система Европы, элементами которой являются в первую очередь уголовно-исполнительные системы стран «ветеранов» в Совете Европы, обязанные воспринимать и применять у себя достижения,

опыт и стандарты, а также уголовно-исполнительные системы таких стран, как Россия, стремящаяся взять все то позитивное, что достигнуто в этом сообществе. В этом стремлении должна иметь место некая переоценка ценностей, своеобразная переориентация, пересмотр способов, методов в подходах к оценкам этих ценностей и достижений.

Сделать это не просто, но нужно, необходимо и важно. Здесь, к сожалению, остается весьма значительной сила традиции, традиционного неприятия, пессимистичного отношения ко всему новому, передовому, прогрессивному. Эти противоречия всегда были и будут, и устранить, преодолеть, уничтожить их полностью невозможно в принципе, однако, сгладить можно и, главное, нужно.

Важно понимать, что это – не просто рассуждения по поводу, или философствование по случаю, нет, это простая и очевидная констатация фактического положения дел в нашей уголовно-исполнительной системе, где противоречия между накопленными теоретическими знаниями и практическим их применением (теорией и практикой), между старым и новым, или между поколениями, противоречия между должным и сущим, т.е. между тем, что должно, хотелось бы, чтобы было, и тем, что на самом деле, к сожалению, остается и десятилетиями не меняется, и, возможно, еще многими другими явлениями еще долго будут жить.

Каждому из нас видится довольно простой выход из той или иной ситуации, разница лишь в том, что кому-то более дорогостоящий, но менее революционный, а кому-то более революционный, но не такой дорогой. Однако речь ведь не о том, как из этой сложившейся ситуации выходить, а о том, как ее хотя бы чуточку подправить на основе реализации конкретной идеи, конкретных мер и мероприятий. Сложность заключается в выборе оптимального способа, метода улучшения и в определении спектра направлений деятельности системы, по которым такие улучшения представляются наиболее приемлемыми, необходимыми.

При этом подходить к выбору оптимума надо весьма жестко, основываясь не просто на велении времени, а исключительно на объективно существующих реалиях и достигнутых конкретных результатах конкурентов. Разумеется, необходимо учитывать, прежде всего, собственные реалии и специфику национальной модели исполнения наказания с акцентом на реализованные уже возможности, на собственные достижения и опыт. Помимо этого

немаловажным обстоятельством выступает также определение критериев желаемого результата, успеха от реализации опыта. В качестве таковых могли бы выступать и уровень рецидива пенитенциарных преступлений, и вообще уровень рецидива преступлений по освобождению, и соблюдение прав и законных интересов осужденных, и материально-бытовые условия отбывания наказания и т.д. и т.п. Но эти, скажем, глобальные показатели, которые иллюстрируют успешность всей системы в целом, конечно же желаемы, но, к сожалению, в одночасье вряд ли достижимы в результате использования даже самого передового зарубежного опыта. Поэтому лучше и полезнее для системы был бы выбор более «мелких» критериев, к числу которых можно, например, отнести уровень соблюдения взятых страной, да и, как следствие, конкретными подразделениями системы исполнения наказаний обязательств, вытекающих из конкретных европейских стандартов. В качестве критериев успеха могут также служить показатели, свидетельствующие, например, о снижении количества жалоб осужденных, о тенденциях в развитии пенитенциарного здравоохранения и т.д.

Есть еще одно очень важное обстоятельство, о котором почему-то либо забывают, либо относят его исключительно к сфере теории и, тем самым, весьма преуменьшая его значение. Нелишним в связи с этим будет напомнить, что в науке давно известны так называемые «критерии», позволяющие считать то или иное новшество, или чей-то чужой, включая зарубежный, опыт положительным, передовым. Как правило, соблюдаются они далеко не все, и чаще других многие судят о полезности каких-либо новаций лишь с точки зрения их востребованности. Разумеется, востребованность опыта – важный критерий, но только один и явно не достаточный, поскольку всего критериев можно насчитать гораздо больше. Полагаем, полезно будет хоть вскользь их упомянуть все, не раскрывая слишком подробно, так как это давно уже сделано в научной и учебной литературе, да и емкость терминов, определяющих эти критерии, настолько велика, что они говорят сами за себя. Предварительно заметим, что многие из них не учитываются и вовсе не принимаются в расчет, в результате чего наступают либо негативные, отрицательные последствия, либо у «восприимчивых» просто опускаются руки, что, впрочем, тоже можно отнести к последствиям подобного рода.

Вспомнить хотя бы опыт локальных зон, привезенный в свое время из дружественной

Румынии и в приказном порядке внедренный в практику отечественных колоний. В связи с этим на первом месте в списке критериев стоит научность опыта, который может быть сформирован только на основе осмысления, изучения большого количества фактов, данных о той или иной сфере деятельности УИС, куда мы собираемся «завозить» зарубежный опыт.

Вслед за научностью идет так называемая «сознательная целеустремленность», то есть необходимо и важно четко представлять себе цель, или для чего мы собираемся что-то внедрять. Случается, что цель может и, как правило, бывает и провозглашается благой, но почему-то, несмотря ни на что, получается отрицательный результат, который при проведении опытной работы в социальных системах не допустим в принципе, и неслучайно это «ненаступление» таких последствий и получение более высоких результатов также относят к числу рассматриваемых критериев.

Необходимо вспомнить и такие из них, как актуальность опыта, т.е. соответствие его задач и целей потребностям сегодняшнего, а скорее – завтрашнего дня, а также длительность, перспективность функционирования или использования. И, наконец, о результатах использования опыта свидетельствуют два взаимодополняющих критерия: а) результаты должны быть более высокими по сравнению с повседневной практикой и б) ни при каких условиях нельзя допускать, чтобы результаты по своей сути были негативными. Таковы критерии. Всегда ли они соблюдаются? К сожалению, нет, не всегда. Причин тому предостаточно, но мы попытаемся указать на основные из них.

Вольно или невольно скептиков и просто равнодушных в нашем отечестве по-прежнему, остается немало. Пытаясь найти хоть какое-то объяснение такому, в общем-то, удивительному феномену в виде негативного единодушия, мы пришли к выводу, что факт незнания зарубежного опыта есть свидетельство, по крайней мере, трех положений: «не знаю, и знать не хочу», «познакомился бы, да негде взять», «не знаю языка, а на русском ничего нет».

Далее. Несоблюдение критериев, представляемых к опыту, и как следствие, незнание зарубежного опыта, ассоциируется, к сожалению, с имевшим и имеющим место своеобразным навязыванием того самого зарубежного, в котором у нас потребности-то часто и нет. Однако если сделать хотя бы кратенький экскурс в историю, то в России никогда не было ни ненависти, ни зависти ко всему зарубежному, будь то устройство тюрем или мода разговари-

вать по-французски. Более того, у нас всегда умели различать «чужой» опыт и опыт «чуждый», неприемлемый в принципе. Иными словами, у нас интуитивно знали неписанный закон всякой цивилизации, суть которого состоит в совмещении «двух талантов» – своего и иностранного, которое всегда дает скачок в будущее. Закон этот у нас всегда знали хорошо, чтили и умело применяли. К сожалению, не во всех сферах, включая тюремную. Получается, что мы неожиданно для себя вдруг забыли, что по отношению к иностранному и иностранцу всегда судили об уровне цивилизованности страны или ее подсистем. Забыли мы и такой постулат: «если к нам «они» пришли по доброй воле и «без меча», не надо от них шараться».

Между тем, третий блок причин несоблюдения критерием, предъявляемых к опыту, может объяснить многое. Нам всегда была свойственна некая удаль, размах, безудержность и даже бесшабашность, «...отсюда, непереводимость самого слова «простор», окрашенного чувством мало понятным и объясняющим, почему русскому человеку может показаться тесным расчлененный и перегороженный западноевропейский мир; отсюда и русское, столь отличное от западного, понимание свободы, не как права строить свое и утверждать себя, а как права уйти, ничего не утверждая и ничего не строя»⁶. Необходимо к этому добавить, что часто – в ущерб себе и собственному народу. Именно отсюда проистекает, казалось бы, ничем не объяснимое, даже порой показное безразличие ко всему иностранному, западному. Именно поэтому нас никогда не устроит покамерное одиночное содержание осужденных и всегда останутся чуждыми некий прагматизм и дотошность, поиск выгоды исключительно во всем, чем отличен от нас иной зарубежный пенитенциарный деятель. А если к этому добавить, что с удалью и размахом в русском человеке по не всем понятным причинам уживаются лень и благодушие, то станет понятно, почему чей-то опыт, чьи-то достижения приживаются в российских исправительных учреждениях весьма и весьма туго. В связи с этим актуализируется необходимость всемерной активизации усилий, связанных с накоплением, обобщением и распространением зарубежного пенитенциарного опыта. Эти, в общем-то, хорошо знакомые и отработанные этапы использования собственного положительного опыта в отечественной практике остаются до настоящего времени без внимания и реализации в отношении опыта зарубежного. Хотя, в определенном смысле, можно признать

объективный характер этого процесса в части лишь накопления этого опыта, поскольку на то имеются складывающиеся в нашу пользу обстоятельства, позволяющие получать (а стало быть и накапливать) информацию об опыте из первых рук.

Что же касается этапов обобщения и особенно распространения – собственно, внедрения, то об этом приходится только мечтать. Учиться же на собственных ошибках – удовольствие весьма дорогое, хотя и полезное. Поэтому проблема распространения зарубежного пенитенциарного опыта стоит сегодня особенно остро, что, кстати сказать, должен ощутить и осознать каждый руководитель, каждый сотрудник. Кроме того, важно понять, что распространить, внедрить чужую инновацию, в собственную практическую деятельность – дело весьма не простое. Причем сложность процесса внедрения складывается не столько из количества затраченных материальных, интеллектуальных и иных ресурсов, сколько от осознания того, что из любого опыта на новую (нашу) почву можно перенести лишь самую главную идею опыта, его квинт-эссенцию, его суть. Нет и не может быть необходимости копировать опыт, это невозможно и слишком затратно, и, главное, – бесперспективно.

Важная роль принадлежит пропаганде опыта, носящей конструктивный характер и содержащий научный комментарий конкретных путей и способов реализации на практике достижений передовых пенитенциарных систем Европы. В качестве одного из первых и необходимых шагов в данном направлении состоит в реализации идеи, связанной с преодолением языкового барьера, который, как показывает опыт, выступает подчас практически весьма серьезным и трудным препятствием на пути знакомства наших практиков (да и не только) с Европейскими стандартами и пенитенциарным зарубежным опытом.

Немаловажным обстоятельством, во многом определяющим успешность реализации зарубежных инноваций в отечественной практической деятельности, и которое, безусловно, подлежит тщательному учету, является состояние положения дел в нашей уголовно-исполнительной системе. Это – своего рода база, платформа, основание, на котором деятельность, связанная с использованием зарубежного пенитенциарного опыта, может быть построена (структурирована), организована и реализована. Образно говоря, здесь не должно быть «белых пятен» и «черных дыр», выступающих подчас серьезным препятствием

на этом пути. Речь идет о таких, например, важнейших параметрах системы, как приведение условий отбывания наказаний осужденными к европейским стандартам, соблюдение и обеспечение прав и законных интересов и осужденных, и персонала, расширение сферы применения наказаний, альтернативных лишению свободы, состояние и предупреждение пенитенциарного рецидива, мнение общества о положении дел в системе, темпы ее реформирования и т.д.

Приходится учитывать и некоторую парадоксальность ситуации в целом, состоящей в том, что даже если вдруг «наши» осознают важность и необходимость реализации в практике исправительных учреждений достижений европейской цивилизации, мы ни при каких условиях, никогда не сможем это сделать с фотографической точностью. Причины парадокса лежат в различиях философий исполнения наказания, в особенностях национальных традиций, или своеобразной «привычки» исполнять наказание в колонии, а не в одиночной камере, и даже в климате.

В связи с этим, очевидно, что речь должна идти не о ликвидации или безусловном преодолении подобного рода препятствий и преград, а о поиске способов их смягчения, а, возможно, и снятии тех из них, которые носят, так сказать, формальный характер, заключающийся в различных трактовках тех или иных понятий, но не более того. В любом случае было бы грубейшей ошибкой бросаться с открытым забралом на реализацию идеи, связанной с внедрением зарубежного компонента везде и всюду. Желательно? В принципе, да! Но вовсе не обязательно, какой бы заманчивой не выглядела разработка проекта приказа об использовании того или иного элемента опыта.

Причин тому несколько. Во-первых, вряд ли в приказном порядке можно внедрить нечто, что пока не совсем, а то и совсем не понятно. Во-вторых, даже если сделать хороший литературный перевод всех документов, составляющих в своей совокупности Европейские стандарты и пенитенциарный зарубежный опыт, то и этого было бы недостаточно для внедрения, поскольку важно первоначально понять и осознать суть этих стандартов и опыта не на бумаге, а на деле, на практике. А для этого необходимо время, и немалое. В-третьих, «любой приказ, который может быть неправильно понят, будет понят неправильно», – об этой армейской аксиоме, которая здесь вполне, к слову сказать, применима, тоже не стоит забывать.

¹ Концепция реорганизации уголовно-исполнительной системы МВД России (на период до 2005 года) - М., 1996.

² Стручков Н.А. и др. Обсуждение пенитенциарных проблем на международном уровне. Рязань: РВИШ МВД СССР, 1977; Стручков Н.А. и др. Обсуждение пенитенциарных проблем на международном уровне. – Рязань: РВИШ МВД СССР, 1981

³ Митфорд Дж. Тюремный бизнес. Перевод с англ. М.: 1978.

⁴ Подшивка журнала «К новой жизни» (1970-1985 гг.).

⁵ Например, Пирожков В.Ф. Современные буржуазные теории перевоспитания осужденных и их критика. В кн.: Организация исправления и перевоспитания осужденных. – М.: Академия МВД СССР, 1982. с.90-96.

⁶ Вейдле В.В. – цит. По кн.: Таранов П.С. Золотая книга руководителя. – М.: 2000. с.475.

О СПЕЦИФИКЕ ДОКАЗЫВАНИЯ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Бойченко О. И.,

к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Ключевые слова: Доказывание в уголовном процессе, возбуждение уголовного дела, достаточные данные в стадии возбуждения уголовного дела, отказ в возбуждении уголовного дела, достаточность доказательств в уголовном процессе.

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются некоторые особенности специфики доказывания в стадии возбуждения уголовного дела.